ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

PHILOSOPHY OF HISTORY

УДК 930.1: 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-121-127

Марат Николаевич Чистанов,

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
(г. Абакан, Россия),*

e-mail: maratchistanov@gmail.com

К вопросу о визуализации исторического нарратива

В статье рассматривается проблема смены типа исторического дискурса при переходе от традиционного исторического нарратива к визуальному. Невозможность применения методологии верификационизма к историческим фактам заставляет исследователей обратиться к проблемам анализа целых исторических текстов. В этом случае тексту или нарративу приписывается особый тип логического значения: он может быть истинным или ложным лишь целиком. Данная особенность позволяет говорить об особой познавательной процедуре, которая увязывается с доверием, вызываемым нарратором или самим нарративом у читателя или слушателя. Кризис исторической науки в XX в. приводит к двум фундаментальным сдвигам: потере веры в объективность историков и исчезновению исторической событийности. Данные сдвиги говорят о том, что большое количество людей потребность в историзации действительности удовлетворяют собственными силами через включение в систему визуальных и чувственных символов, дающих ощущение сопричастности и при этом позволяющих не чувствовать себя предметом чужих манипуляций. Соприкосновение с ними возрождает чувство доверия к историческому источнику, которое является основой нарративной семантики. Наблюдаемая нами «визуализация» исторического нарратива отражает трансформацию современного исторического сознания индивида в условиях перманентного кризиса профессиональной исторической науки.

Ключевые слова: историческое сознание, исторический нарратив, прагматический поворот, постлингвистический анализ, визуализация

Marat N. Chistanov,

*Khakass State University
(Abakan, Russia),*

e-mail: maratchistanov@gmail.com

To the Issue of Visualization of a Historical Narrative

In article is considered as the historical discourse changes upon transition from a traditional historical narrative to a visual narrative. The impossibility of application of methodology of a verification to historic facts forces researchers to address problems of the analysis of the whole historical texts. In this case, the special type of logical value is attributed to the text or a narrative: it can be true or false only entirely. This feature allows us to speak about the special informative procedure which coordinates with the trust caused by a narrator or a narrative in the reader or the listener. Crisis of historical science in the twentieth century leads to two fundamental shifts: to loss of belief in objectivity of historians and disappearance of a historical event. These shifts lead to the fact that a large number of people satisfies the need for history with own forces. They include themselves in the system of the visual and sensual symbols giving feeling of participation and at the same time allowing to be protected from manipulations. Widely discussed "visualization" of a historical narrative reflects transformation of modern historical consciousness of the ordinary person in the conditions of permanent crisis of professional historical science.

Keywords: historical consciousness, historical narrative, pragmatic turn, post-linguistic analysis, visualization

© Чистанов М. Н., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Введение. Очередная годовщина Великой Победы и череда официальных и полуофициальных мероприятий, связанных с её празднованием в который раз заставляют задуматься о том, что интерес к истории в нашей стране имеет чётко выраженный волновой характер. Нынешнему массовому обращению к тематике Великой Отечественной войны предшествует период ослабления интереса к истории, характерный для первого десятилетия нового века, а тому, в свою очередь – массовое увлечение историей сталинских репрессий 30–50-х гг. XX в.

Взрывной рост исторического сознания в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века, для многих из нас радикально изменивший взгляд на историю Советского Союза и фактически разрушивший советскую систему, в самом начале 2000-х сменяется «усталостью» от истории, её дефрагментацией, распадом на множество не связанных между собой эпизодов. В этот период даже школьный курс истории читается по множеству разных учебников, в результате выпускники различных школ могли иметь диаметрально противоположное представление о прошлом своей страны и мира в целом. Буйным цветом расцветают концепции «альтернативной» истории, зачастую проникая даже в академические круги.

Нынешний «ренессанс» историзма, попытка выстроить хотя бы на уровне средней школы единое представление об отечественной истории, утраченное за последние десятилетия, отчасти выглядит весьма похвальным стремлением (здесь, как минимум, имеется какая-то логика). Тем не менее, как многое в отечественных социальных практиках, становясь массовым продуктом, доходя до уровня школ, муниципальных образований, субъектов Федерации, воплощаясь в жизнь конкретными учителями, загнанными в угол лавиной бумажных показателей, чиновниками, для которых единственной целью становится собственное бюрократическое благополучие, этот «патриотический историзм» всё больше напоминает пресловутого «бумажного тигра» Мао.

Впрочем, гораздо больший теоретический интерес представляет более тесное знакомство с фундаментальной основой современного массового исторического сознания. Дело в том, что нынешние школьники и студенты с историей в массе своей знакомятся иначе, нежели их родители, а уж тем более бабушки и дедушки. Для них изучение сухих дат и описаний исторических событий в учебниках и

энциклопедиях не представляет никакого интереса. Совсем другое дело, когда ты своими глазами видишь исторический артефакт в музее, своими руками делаешь каменный топор или стрелу, управляешь танком или самолётом на компьютерном симуляторе.

В силу господства этого, по преимуществу практически сформированного исторического сознания, современный молодой человек имеет весьма смутное представление о последовательности событий в истории, ещё более отдалённое понятие о соотнесённости событий в разных ветвях мировой истории между собой. Зато он удивит вас своими познаниями о тактико-технических характеристиках различных образцов военной техники, рассуждениями о тактике тех или иных родов войск в различных природных и климатических условиях, проведёт экспертное сравнение достоинств и недостатков тех или иных видов защитного и наступательного вооружения разных эпох и культур.

Для объяснения данного феномена современной философией истории используется термин «прагматический поворот», сдвиг от языка к опыту [1, с. 23]. Здесь имеется в виду, что историческое сознание совсем не обязательно существует только как последовательность хронологически организованных каузальных цепочек в сознании профессионального историка, но в сознании исторически ориентированного индивида оно может существовать как своеобразное «чувство истории», непосредственное переживание историчности в ситуации, когда мы соприкасаемся с прошлым непосредственно, например, в интерактивном музее или в упомянутом Анкерсмитом эпизоде из «Итальянских путешествий» Гёте [Там же, с. 216–218].

Понятно, что столкновение с иным способом проявления историчности для представителей предыдущего поколения становится пугающим символом утраты «подлинной истории», но давайте разберёмся с тем, насколько данная ситуация действительно заслуживает тревоги.

Методология и методы исследования.

В исследовании рассматривается проблема смены типа исторического дискурса при переходе от традиционного исторического нарратива к нарративу прагматически ориентированному, включающему визуальные и тактильные элементы. Здесь автор придерживается методологии постлингвистического анализа, опирающегося на работы Ричарда Рорти [11], позднего Ф. Анкерсмита [1; 2; 18] и отчасти П. Рикера [10].

Из отечественных исследователей более всего импонируют автору взгляды на исторический нарратив В. Н. Сырова [13; 14]. В сфере феноменологии визуального автор использует подход И. Н. Инишева [4].

Результаты исследования и их обсуждение. Вопрос о природе исторической реальности является одним из ключевых и одновременно «проклятых» вопросов философии истории. Конечно, скептик здесь может сказать, что этот вопрос ничуть не более сложен, чем общий вопрос о природе реальности. Однако в случае с вопросом о реальности у нас есть хотя бы чувственно воспринимаемая и интуитивно очевидная внешняя реальность, пусть даже философский вопрос о связи чувственного восприятия с реальностью самой по себе остаётся открытым. Что-то там всё же есть, это что-то нам доступно через чувственность и воспринимается как внешний мир, нашей задачей становится соотнесение внутреннего мира нашего сознания с этим внешним миром. Понятно, что это далеко не лёгкая задача, но отправная точка нам в целом ясна и не вызывает особых возражений.

В случае истории всё становится куда более запутанным. Прежде всего, у нас нет возможности воспринимать историю как что-то внешнее по отношению к себе, поскольку она как бы переживается изнутри. В любом случае, историческое знание оказывается лишь спекулятивной конструкцией. В непосредственном восприятии данным оказывается лишь настоящее, в то время как предметом истории является прошлое. Тогда исходная задача по отысканию исторической реальности сама должна быть разбита на две составные части. Первая часть остаётся вполне стандартной: нахождение самой реальности в чувственно воспринимаемой картине мира. Вторая часть – установление связи между картиной мира, данной нам в актуальности настоящего, и прошлым, в каком бы смысле это прошлое не понималось и не предполагалось. Если с первой задачей мы сталкиваемся в любой познавательной ситуации, в частности, в сфере естественных наук, то вторая является специфической для философии истории. Фактически эта вторая задача становится в этой сфере основной онтологической проблемой для истории и исторического познания.

Разрешить проблему исторической онтологии можно, только дав предварительно сколько-нибудь удовлетворительное решение проблемы времени, а точнее, проблемы

взаимоотношения прошлого и настоящего. Понятно, что даже в этом случае говорить о решении проблемы можно лишь условно, просто мы приводим эту задачу к стандартному виду: к вопросу об онтологии чувственного восприятия. Разрешение такой глобальной задачи не входит в наши цели, поэтому здесь мы её благополучно и оставим, доверив более опытным и честолюбивым исследователям. Нам же предстоит вернуться к проблеме номер два: поиску связи актуальной картины мира, данной нам в опыте, с прошлым, которое как раз и составляет цель исторического интереса. Каким образом прошлое может оказаться в настоящем, стать предметом нашего опыта, будет ли этот опыт чем-то универсальным или исключительно субъективным – все эти вопросы мы должны каким-то образом разрешить.

Поскольку само прошлое в непосредственном опыте отсутствует, значит необходимо определить, по каким признакам мы догадываемся о его существовании. Очевидно, что наше знание о прошлом – это некоторая картина, которую воспроизводит в своём воображении историк, субъект исторического познания в общем смысле. Термин «воображение» здесь весьма показателен, поскольку в его использовании таится угроза крайнего субъективизма, история становится столько же нашим собственным «продуктом», сколько результатом внешнего воздействия: «Как было показано конструктивистами и нарративистами – философами истории, сама историческая реальность столь же невидима глазу, как Бог иконоборцам: мы знаем её только благодаря репрезентации. Не существует предварительно данного доступа к реальности, подобно описанному Броделем в его "Mediterranee", и можно сказать, что если эта реальность имеет какую-то собственную жизнь, то она обязана этой жизни тому изображению, которое Бродель из неё сконструировал. Конечно, в этом случае изображение предшествует самой реальности. Об этой реальности можно поэтому сказать, что она столь же во многом "сделана", сколь и "найдена", и невозможность ясного и точного различения между этими двумя вещами не столько является тезисом о неопределённости границы между вымыслом и историей (модная интерпретация этого феномена), сколько проблематизацией самого значения этих слов применительно к историописанию» [2, с. 359].

Чтобы этого не случилось, то есть, чтобы сохранить саму возможность истории и исто-

риогрaфии, нам необходимо найти какую-то универсальную значимость, присутствующую в историческом знании, но не сводимую к индивидуальной картине мира познающего исторического субъекта. Нужно заметить, что наиболее очевидные ходы в этом направлении уже были сделаны в рамках нескольких конкурирующих школ философии истории. Рассмотрим, что стоит за предлагаемыми решениями.

Первое из возможных решений – отказ от самой проблемы поиска прошлого в настоящем. Прошлое – это настоящее, фактическое. Непосредственно обнаруживаются лишь конкретные факты, поэтому и искать необходимо то, что сводится к непосредственно обнаруживаемому факту. Что это может быть? В рамках философско-исторической эпистемологии, главными представителями которой можно назвать К. Гемпеля, Г. фон Вригта, отчасти Р. Коллингвуда, к факту можно свести только единичное утверждение. Очевидно, что утверждение о прошлом с самим прошлым соотнести нельзя, поскольку последнее в опыте не представлено. Соотнести такое утверждение можно лишь с фактами настоящего, которые мыслятся как прямое следствие прошлого. В роли таких фактов могут выступать исторические свидетельства, памятники материальной и духовной культуры, какие-либо ещё феномены непосредственного восприятия.

Понятно, что обычная в таком случае позитивистская установка предполагает данную процедуру чуть ли не единственно возможной, по сути, главной заслуживающей доверия процедурой в историческом познании. Соотнесение единичного суждения с единичным фактом – казалось бы, что может быть понятнее и надёжнее? Тем не менее в данном подходе имеются два очень серьёзных допущения. Первое – это предположение о том, что непосредственно обнаруживаемый факт является частью самой реальности, а не включает в себя момент «домысливания», интерпретации реальности субъектом. Это является серьёзной проблемой даже в естествознании, вспомним хотя бы доводы эмпириокритицизма, а уж в гуманитарных дисциплинах и подавно. Второе – если мы всё-таки соотносим наше утверждение с фрагментом реальности, кто гарантирует, что между выделенным таким образом фрагментом и прошлой реальностью имеется объективная причинно-следственная связь, не являющаяся продуктом нашего воображения? Кроме того, даже если такая связь всё-таки имеется, наличие определённого следствия далеко

не всегда свидетельствует о наличии именно этой выделенной причины, поскольку *modus ropens* однозначно не обращается.

В силу принятых допущений, последующие дискуссии, развернувшиеся в рамках эпистемологической традиции философии истории, как то: дискуссия о статусе модели охватывающего закона или споры в рамках аналитической герменевтики – фактически оказываются за рамками исторической онтологии. Интерес эпистемологии в основном сосредоточен на проблемах функционирования самого исторического знания. Большей частью речь идёт о проблемах соотнесения единичных высказываний с универсальными суждениями, что, безусловно, остаётся важной логической и методологической проблемой, не являясь при этом проблемой исторической реальности как таковой. Реальность фактически остаётся за рамками исторического знания, хотя само знание в позитивистской традиции чисто теоретически предполагает эту реальность в качестве референта.

Невозможность применения методологии верификационизма к историческим фактам заставляет исследователей обратиться к проблемам анализа исторических текстов целиком. В этом случае тексту или нарративу, как это стали называть, приписывается особый тип логического значения: он может быть истинным или ложным лишь целиком. При этом наличие в структуре нарратива единичных истинных высказываний ещё не делает его истинным, как и присутствие отдельных высказываний, не соответствующих действительности (ложных в позитивистском понимании), вовсе не обязательно свидетельствует о ложности исторического нарратива в целом. Данная особенность позволяет говорить об особой познавательной процедуре, которая, скорее, может быть связанной с доверием, вызываемым нарратором или самим нарративом у читателя или слушателя. Собственно, именно способность вызывать доверие своим изложением и видением событий и отличает профессионального историка от обычного хрониста. Рассказанный историком сюжет не вызывает внутреннего неприятия, а обнаружение в нём маленьких неточностей не приводит к отторжению нарратива целиком.

Кризис исторической науки в XX в. приводит к двум фундаментальным сдвигам: потере веры в объективность историков и исчезновению исторической событийности. Первое происходит в контексте обнаружения тотальной природы массового общества и культуры в работах франкфуртской школы.

Второе связано с изменениями внутри самой исторической науки в работах школы Анналов и иных сторонников истории повседневности, «новой» истории и структур большой длительности [5; 6; 9].

Данные сдвиги приводят к тому, что для всё большего количества людей их потребность в историзации действительности (а она необходимым образом связана с самоидентификацией индивида в современном обществе) удовлетворяется собственными силами через систему визуальных и чувственных символов, дающих ощущение сопричастности и при этом позволяющих не чувствовать себя предметом чужих манипуляций. Речь идёт о музеях, памятниках, кладбищах, архитектуре и иных коммеморациях [7]. Соприкосновение с ними возрождает утерянное было чувство доверия к историческому источнику, которое является основой нарративной семантики. В тех случаях, когда непосредственное взаимодействие с историческим контекстом оказывается невозможным, его место немедленно занимают фотографии, документальные и художественные фильмы, компьютерные игры, клубы и кружки исторического моделирования и прочие локусы, в которых грань между прошлым и настоящим оказывается размытой, и это даёт стремящемуся к самоидентификации индивиду ощущение непосредственного переживания, интеграции и визуализации истории [12; 15–17].

Данное ощущение отражает экзистенциальные потребности современной личности, но слепое к нему стремление с неизбежностью порождает пресловутый «парадокс профана»: «Парадокс заключается в том, что современная междисциплинарная интеграция и распределение знания в условиях конвергентных технологий заставляют каждого специалиста оставаться профаном в пределах всей интегрируемой области знания, причём усиление интеграции ведёт к нарастающей профанизации специалистов. Иными словами, чем больше каждый специалист наращивает исследовательский и практический опыт в конкретной области, тем большим профаном он становится в других разделах междисциплинарной области, поскольку все её другие локусы развиваются с нарастающей

скоростью» [8, с. 51–52]. Именно профанный, зачастую опереточный характер исторического сознания современного обывателя (а мы уже знаем, что этот обыватель вполне может быть высококлассным специалистом в своей предметной области) и вызывает столь серьёзное неприятие в среде профессиональных историков и тех специалистов, чьё историческое сознание сформировалось в эпоху господства традиционных исторических нарративов.

Заключение. Широко распространённое в современном мире стремление облечь историческое познание в форму индивидуального исторического опыта, его «визуализация» и «объективизация» через систему познавательного туризма, фото- и видеоматериалы, компьютерные технологии и прочие «нарративы включённого типа» [15, с. 213–214] вовсе не свидетельствуют о кризисе исторического сознания в современном мире. Для современного молодого человека, так же как и для человека веком ранее, история – это, прежде всего, способ самоидентификации, самопознания. Другое дело, что разочарование в способности и самое главное доброй воле профессиональных историков донести историческое знание до конечного потребителя приводит к кризису традиционного исторического нарратива и попыткам создания собственного механизма включённости в историческую традицию. Отсюда недоверие к официальной исторической науке, столь живой интерес к истории собственной семьи, рода и этноса, и стремление всё познать буквально на ощупь, своими руками и глазами. Понятно, что данная методика в глазах профессиональных историков выглядит весьма примитивной и на самом деле зачастую приводит к нелепым ошибкам и формированию ложных стереотипов. Очевидно, что воспринимаемые массовым сознанием как незыблемые и очевидные документы, памятники и иные источники на самом деле имеют сложную и неоднозначную структуру. Тем не менее, наблюдаемая нами «визуализация» исторического нарратива отражает трансформацию современного исторического сознания индивида в условиях перманентного кризиса профессиональной исторической науки.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 608 с.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
3. Говорунов А. В. Матрица и сквозь неё. Рецензия на коллективную монографию // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 1. С. 196–203. DOI: 0.23951/2312-7899-2019-1-196-203.

4. Инишев И. Н., Бедаш Ю. А. Визуальное, социальное, образное: зрительное восприятие как фактор современной культуры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 1. С. 9–25.
5. Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.
6. Ионов И. Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. 464 с.
7. Красильникова Е. И. Коммеморация противостояния: конструирование локусов памяти о гражданской войне в городах Сибири // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3. С. 57–75. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-57-75.
8. Мелик-Гайказян И. В. Парадокс профана: характеристика времени доминирования визуального символизма // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 4. С. 49–64. DOI: 10.23951/2312-7899-2017-4-49-64.
9. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
10. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гум. лит., 2004. 728 с.
11. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
12. Смирнов С. А. Визуальное путешествие как метод. Генезис // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 1. С. 9–26. DOI: 10.23951/2312-7899-2017-1-9-26.
13. Сыров В. Н. Введение в философию истории: своеобразие исторической мысли. М.: Водолей Publishers, 2006. 248 с.
14. Сыров В. Н. Как быть историческому нарративу? [Электронный ресурс] // Narratorium. Междисциплинарный журнал. 2012. № 2. Режим доступа: <http://www.narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628915> (дата обращения: 20.02.2019).
15. Эльдарион А. А. Исторический нарратив как коммуникативное событие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12, ч. 2. С. 210–214.
16. Эльдарион А. А. «Нарративный поворот» в современной философии истории: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3, ч. 2. С. 209–212.
17. Leskanich Alexandre. In history's wake: a dialogue with Martin L. Davies // Rethinking History. The Journal of Theory and Practice. 2018. Vol. 22, no. 4. Pp. 558–580. DOI: 10.1080/13642529.2018.1507879.
18. Tamm Marek, Zeleňák Eugen. In a Parallel World: An Introduction to Frank Ankersmit's Philosophy of History // Journal of the philosophy of history. 2018. Vol. 12. Pp. 325–344. DOI: 10.1163/18722636-12341401.

Статья поступила в редакцию 12.04.2019; принята к публикации 10.05.2019

Сведения об авторе

Марат Николаевич Чистанов, доктор философских наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова; 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90; e-mail: maratchistanov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9002-5604.

Библиографическое описание статьи

Чистанов М. Н. К вопросу о визуализации исторического нарратива // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 3. С. 121–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-121-127.

References

1. Ankersmit, F. R., Sublime Historical experience. Moscow: Europe, 2007. (In Rus.)
2. Ankersmit, F. R. History and tropology. The rise and fall of metaphor. M: Progress-Tradition, 2003. (In Rus.)
3. Govorunov, A. V., Matrix and through it. Collective monograph review "MediaPhilosophy XII. Game or reality? Research experience in the study of computer games". ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics, pp. 196–203, no. 1, 2019. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-1-196-203 (In Rus.)
4. Inishev, I. N., Biedash, Y. A. The visual, social, and imaginative: Visual perception as a factor of contemporary culture. ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics. no. 1, pp. 9–25, 2016. (In Rus.)
5. Ionov, I. N. Civilizational Consciousness and Historical Knowledge: Interaction Problems. M: Nauka, 2007. (In Rus.)
6. Ionov, I. N. World history in the Global Age: New historical consciousness. M: Aquilo, 2015. (In Rus.)
7. Krasilnikova, E. I. Commemoration of the confrontation: the construction of memory's loci about The Civil War in the Cities of Siberia. ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics, pp. 57–75, no. 3, 2018. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-57-75 (In Rus.)
8. Melik-Gaykazyan, I. V. The Ignoramus Paradox: The time of visual symbolism domination. ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics, no. 4, pp. 49–64, 2017. DOI: 10.23951/2312-7899-2017-4-49-64 (In Rus.)

9. Repina, L. P. Historical Science at the Turn of the 20th and 21st Centuries: Social Theories and Historiographic Practice. M: 2011. (In Rus.)
10. Ricoeur Paul. Memory, history, forgetting. M: 2004. (In Rus.)
11. Rorty Richard McKay. Philosophy and the Mirror of Nature. Novosibirsk, 1997. (In Rus.)
12. Smirnov, S. A. Visual journey as a method. Genesis. ПРАΞHMA. Journal of Visual Semiotics, no. 1, pp. 9–26, 2017. DOI: 10.23951/2312-7899-2017-1-9-26(In Rus.)
13. Syrov, V. N. Introduction to Philosophy of History: Features of the Historical Thought. M: 2006. (In Rus.)
14. Syrov, V. N. What historical narrative should be like? Narratorium. Interdisciplinary Journal, no. 2, 2012. Web: 20.04.2019 <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628915> (In Rus.)
15. El'darion, A. A. Historical narrative as a communicative event. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, pp. 210–214, no. 12, part 2, 2017. (In Rus.)
16. El'darion, A. A. "Narrative turn" in modern Philosophy of History: Problems and Prospects. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, pp. 209–212, part 2, no. 3, 2017. (In Rus.)
17. Leskanich Alexandre. In history's wake: a dialogue with Martin L. Davies. Rethinking History. The Journal of Theory and Practice, pp. 558–580, no 4, vol. 22, 2018. DOI: 10.1080/13642529.2018.1507879 (In Engl.)
18. Tamm Marek, Zeleňák Eugen. In a Parallel World: An Introduction to Frank Ankersmit's Philosophy of History. Journal of the philosophy of history, pp. 325–344, vol. 12, 2018. DOI:10.1163/18722636-12341401 (In Engl.)

Received: 12 April 2019; accepted for publication May 10, 2019

Information about the author

Marat N. Chistanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Khakass State University; 90, Lenina st., Abakan, 655017, Russia; e-mail: maratchistanov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9002-5604.

Reference to the article

Chistanov M. N. To the Issue of Visualization of a Historical Narrative // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 3. PP. 121–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-3-121-127.